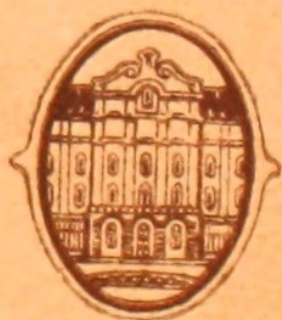

2-й этаж

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 12

277

ЛЕНИНГРАД
1951

нужное слово. По его мнению в проекте словаря статистические вопросы несколько оторваны от собственно экономических вопросов. В проекте отсутствуют многие термины статистики («Математическая статистика», «Теория вероятности в статистике», «Темп роста», «Вариационные ряды» и т. д.).

Тов. Тюльпанов считает, что в словнике следовало бы отвести больше места освещению роли капиталистических монополий и банков, а также расширить круг статей, посвященных истории экономической мысли, в частности — истории экономической мысли дореволюционной России и стран народной демократии.

Тов. Трифонов указывает на отсутствие в словнике таких понятий, как «Рабовладельческий кризис», «Сельская община», «Родовой строй», «Матриархат» и «Патриархат». Недостаточно полон проект словаря и в ряде других разделов. Так, в разделе «Капиталистический строй» нет таких понятий, как «Простая капиталистическая кооперация», «Кооперация производства», «Мануфактурное разделение труда». Нет такой статьи, как «Авансированный капитал», нет критики буржуазных теорий денег, ничего не сказано об обращении денег и законах этого обращения.

Говоря о необходимости более четкого выделения финансовых терминов в схеме построения словаря, тов. Иванов указывает на неполноту некоторых понятий. Так, в понятие «Анализ» не включено объяснение анализа хозяйственной деятельности, хотя такой анализ давно при-

меняется при оценке хозяйственной деятельности советских предприятий. В проекте словаря опущен термин «Финансовый план (баланс доходов и расходов) предприятия».

Одним из крупных недостатков проекта словаря является, по мнению гг. Трифонова и Рыбакова, недостаточное полное отражение в нем преимуществ социализма и прогрессивной роли социалистической экономики в намеченных статьях. Тов. Кукушкин присоединяется к мнению этих ораторов, считая, что ряд тем раздела «Социализм» необходимо было бы расширить и пополнить. Следует ввести статьи, посвященные понятиям: «Экономический язык социализма», «Машинно-тракторная станция», «Совхоз», «Лесозащитная станция». В проекте словаря совершенно не освещается вопрос о содружестве науки с производством, нет такого понятия, как «Стахановцы».

Большинство выступавших отметило совершенно недостаточный объем ряда крупных статей, намеченных в проекте словаря. Исходя из анализа уже появившихся статей, выступавшие указывали на то, что ограничение объема таких статей приведет к тому, что многие важнейшие вопросы экономики не найдут в них достаточно полного освещения.

Участники совещания ленинградских экономистов высказали пожелание о созыве в ближайшем будущем таких же конференций с привлечением большего числа участников.

А. В. Доброславин

Заседание Ученого совета Исторического факультета

(Об ошибках некоторых советских историков в освещении войны 1812 г.)

9 октября 1951 г. состоялось заседание Ученого совета Исторического факультета с докладом проф. С. Б. Окуня «Об ошибках некоторых советских историков в освещении войны 1812 г. и полководческого искусства М. И. Кутузова». Этот вопрос Ученый совет решил обсудить в связи со статьей Кожухова «К вопросу об оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г.», помещенной в журнале «Большевик» № 15 за 1951 г.

На заседании присутствовали профессора, преподаватели, аспиранты Исторического факультета, научные сотрудники Института усовершенствования учителей, Института им. Покровского, а также много студентов всех курсов Исторического факультета.

Свой доклад проф. С. Б. Окунь начал с изложения гениального тезиса И. В. Сталина о том, что историческая наука, если она хочет быть действительно

наукой, должна прежде всего заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс.

— Именно это основополагающее указание И. В. Сталина, — говорит проф. Окунь, — лежит в основе нашей науки; науки, посвященной созидательной деятельности народных масс, их героической борьбе против класса угнетателей, против иностранных интервентов за свою национальную независимость, развитию передовой, борющейся за интересы трудящихся общественной мысли, культуры и искусства.

Далее докладчик напоминает о решениях партии по идеологическим вопросам, о гениальных работах товарища Сталина по вопросам языкознания и подчеркивает, что перед советскими историками открылись огромные перспективы.

— Именно сейчас, — говорит докладчик, — с выходом гениальных работ И. В. Сталина по вопросам языкознания

был нанесен сокрушительный удар по антимарксистским взглядам Покровского, рецидивы которых еще сказывались на работах некоторых советских историков.

Газета «Правда» и журнал «Большевик» вскрыли глубокие извращения буржуазно-националистического характера в освещении национально-освободительных и феодально-националистических движений. В работах некоторых советских историков, как указано в статье Э. Бурджалова «Сталинский Краткий курс истории ВКП(б) и историческая наука», помещенной в «Большевике» № 18 за 1951 г., сказывалось преклонение перед иностранщиной, принижение роли русского народа и т. п. Это было проявлением враждебной нам буржуазной идеологии, пережитком влияния буржуазной историографии и так называемой «школы Покровского».

Далее проф. Окунь переходит к критике ошибок некоторых советских историков в освещении истории войны 1812 г. и полководческого искусства М. И. Кутузова, вскрытых в статье т. Кожухова. По мнению докладчика, одной из основных ошибок при освещении событий 1812 г., особенно характерной для книги акад. Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», является ориентация преимущественно на иностранные источники, воспроизведение ошибочных и клеветнических взглядов немецких, французских и английских мемуаристов и историков, стремившихся принизить роль М. И. Кутузова и русского народа в разгроме армии Наполеона и освобождении народов Европы от ига наполеоновской Франции.

Фальсификация событий 1812 г. имеет свою давнюю историю. Первым фальсификатором истории войны 1812 г. был не кто иной, как сам Наполеон. Он выдвинул «климатическую теорию» для объяснения причин, погубивших его армию. Эта антинаучная теория до сих пор еще не изжита в трудах некоторых советских историков, даже после разгрома «школы» Покровского она проникает нередко в научную литературу.

— Когда академик Е. В. Тарле придает исключительное значение в разгроме Наполеона пространству, — указывает докладчик, — то здесь мы сталкиваемся с модернизацией «климатической теории».

Докладчик отмечает, что в работах английских и немецких историков, а также в мемуарах мы встречаем и другие приемы все той же фальсификации. Так, например, Клаузевиц в книге «1812 год» пытался доказать, что представители немецкой военной школы, находившиеся на русской службе, сыграли решающую роль в деле разгрома армии Наполеона. Клаузевиц не понял природы и сущности войн вообще, а характера войны 1812 г. он и не мог понять со своих реакционных позиций: он стоял ниже военно-теоретической мысли

своего времени. Кроме того, Клаузевиц сознательно искажал историю войны 1812 г., стремясь принизить героическую борьбу русского народа.

В искажении истории войны 1812 г. большую роль сыграли так называемые «Мемуары Толя». Анализ этих мемуаров и выступления Толя в печати показывают, что не он является их автором. Как правильно утверждает проф. С. Б. Окунь, эти «мемуары» — «самая беспардонная фальшивка», которая ввела в заблуждение Фр. Энгельса, допустившего, как указывал И. В. Сталин в ответе полковнику Разину, ошибку в оценке роли М. И. Кутузова как полководца. Воспоминания Вильсона являются не в меньшей степени, чем «Мемуары Толя», воспроизведением лжи и клеветы по адресу великого русского полководца.

Русские дворянские и буржуазные историки особенно подчеркивали роль Александра I, чем, конечно, принижали роль М. И. Кутузова. Это также было одним из методов извращения истории событий 1812 г.

Великий вождь нашего народа товарищ И. В. Сталин в письме полковнику Разину указывал, что гениальный полководец М. И. Кутузов загубил армию Наполеона «хорошо подготовленным контрнаступлением, что М. И. Кутузов как полководец был бесспорно двумя головами выше Барклая».

В этом сталинском положении раскрыта роль Кутузова в деле разгрома Наполеона. В свете этого сталинского положения не выдерживает никакой критики утверждение академика Тарле, что М. И. Кутузов якобы похитил у Барклая «верную тактику».

Далее в своем докладе проф. С. Б. Окунь остановился на ошибках, допущенных им самим в курсе лекций при освещении событий 1812 года. Эти ошибки, по его мнению, состояли в том, что он допускал известную идеализацию Барклая; утверждение, что Барклай действовал в 1812 г., как М. И. Кутузов в 1805 г., также было ошибкой.

Значительное внимание в докладе было уделено вопросу об отношении Кутузова к обороне Москвы. Этот вопрос был неправильно освещен как в книге акад. Е. В. Тарле, так и в лекциях проф. С. Б. Окуня, который исходил из того, что сдача Москвы М. И. Кутузовым была в сущности предрешена до Бородино.

Рассматривая бородинское сражение, этот замечательный образец кутузовского военного искусства, проф. С. Б. Окунь обратил внимание на ту ошибку, которая была допущена им в оценке бородинской позиции, несмотря на то, что ему была известна ее оценка, данная М. И. Кутузовым. По мнению М. И. Кутузова это была лучшая позиция «в сих плоских местах».

План бородинской битвы, — говорит докладчик, — является гениальным образцом навязывания своей воли противнику — достигалось это целым рядом маневров. Это — бесспорно правильное положение, но оно не нашло достаточного освещения в докладе. Бородинская битва была не только моральной победой русских, как характеризует ее акад. Е. В. Тарле, но и полной победой русского оружия, русской военной школы. Бородинская битва была полной тактической и стратегической победой русской армии. Правильно отмечает докладчик, что она не явилась началом дальнейшего движения вперед только потому, что царское правительство опасалось вооружения народных масс.

В вопросе о причинах и виновниках сожжения Москвы допускали грубую ошибку и Е. В. Тарле, и М. В. Нечкина, и И. И. Полосин, и Л. А. Жилин, утверждавшие, что виновниками пожаров были русские патриоты. Не избежал этой ошибки и проф. С. Б. Окунь. В своем докладе он вскрыл корни и сущность этих ошибок. Стремление приписать сожжение и разграбление Москвы якобы патриотическому подвигу русских людей противоречит исторической действительности и объективно приводит к оправданию войны, которую вел Наполеон.

Вопрос о виновниках сожжения Москвы всегда привлекал внимание исследователей. В работах западноевропейских историков и некоторых мемуаристов этот вопрос был подвергнут фальсификации с определенной политической целью. Они стремились вину за сожжение Москвы возложить на русских патриотов, пожарами оправдывали грабежи и насилие москвичей. Часть советских историков оказалась не в силах преодолеть эту лживую версию, которая была создана самим Наполеоном.

После Бородинской битвы Наполеону был нужен мир во что бы то ни стало. Под ударами русской армии и партизан его «великая» армия теряла остатки своей боеспособности, падал ее моральный дух. В таких условиях грабежи были средством для поддержания «воинственного» духа его захватнической армии, а организация пожаров могла только оправдать это преступление.

Многочисленные исторические источники неопровержимо доказывают, что возникновение пожаров было тесно связано с грабежами, организованными наполеоновским командованием, что руководителем и вдохновителем всех этих чудовищных преступлений по планомерному сожжению, разрушению и разграблению Москвы был сам Наполеон.

Всему миру известно чудовищное приказание Наполеона о взрыве Кремля перед бегством из Москвы. Только героическая борьба русского народа помешала совершить это злодеяние.

Национальная святыня русского народа — Кремль был спасен от разрушения не случайными обстоятельствами, как утверждают некоторые историки, а героическими действиями русских патриотов.

Для сокрытия чудовищных преступлений французы расстреливали ни в чем не повинных русских людей, обвиняя их в поджогах. Наполеон организовал даже нечто вроде полевых судов над «поджигателями», но внимательное изучение материалов процесса «поджигателей» убеждает нас в том, что это был не суд, а расправа над мирным беззащитным населением с целью замести следы преступлений.

В заключение своего доклада проф. С. Б. Окунь остановился на вопросе о так называемом «Золотом мосте». Это выражение было выдуманно и пущено в оборот англичанином Р. Вильсоном для объяснения его клеветнических утверждений о том, что Кутузов был якобы противником активных действий против армии Наполеона и вместо организации наступательных операций против враждебной армии ограничивался лишь ожиданием отступления этой армии, создавая возможности для этого отступления, создавая для отступления Наполеона «Золотой мост». Акад. Е. В. Тарле и здесь оказался не в силах преодолеть влияние буржуазных историков, повторил выдвинутую Р. Вильсоном версию. Эта ошибка акад. Е. В. Тарле тесно связана с другими ошибками и вытекает из общего воззрения на кутузовскую стратегию как на стратегию пассивную.

Естественно, что гальванизация легенды о Золотом мосте — еще одно свидетельство принижения М. И. Кутузова как полководца и умаления роли русского народа в деле разгрома орд Наполеона.

Факты показывают, что в освещении важнейших вопросов отечественной истории некоторые советские историки не преодолели извращений, допущенных дворянско-буржуазной историографией. Это помешало создать подлинно научную историю войны 1812 г. Создание таких трудов наряду с преодолением извращений в лекционных курсах — первоочередная задача наших историков.

В прениях по докладу выступили 5 человек.

В своем выступлении доц. Н. Г. Сладкевич отметил, что в работах о Наполеоне Е. В. Тарле идеализировал этого кумира буржуазии. Работам акад. Е. В. Тарле свойственна также неправильная оценка результатов войны 1853—56 гг., игнорирование настроений прогрессивных кругов русского общества того времени. Н. Г. Сладкевич считает, что давно назрела необходимость подвергнуть критическому разбору работы акад. Е. В. Тарле. То, что это до сих пор не делалось, объясняется лишь робостью некоторых советских историков, их

преклонением перед авторитетом акад. Е. В. Тарле.

Некоторая часть советских историков забыла указание товарища Сталина о том, что «нельзя двигаться вперед и двигать вперед науку без того, чтобы не подвергнуть критическому разбору устаревшие положения и высказывания известных авторитетов»¹. С легкой руки Е. В. Тарле неверные положения проникли в нашу научную и учебную литературу. Н. Г. Сладкевич отмечает, что С. Б. Окунь по ряду вопросов расходился с акад. Е. В. Тарле в оценке событий 1812 г., но высказывал свою точку зрения очень осторожно, оглядываясь на Е. В. Тарле. В оценке других моментов С. Б. Окунь допускал те же ошибки, которые присущи книге акад. Е. В. Тарле. Вот почему главы его курса, посвященные событиям 1812 г., нуждаются в основательной переработке. Но речь идет не только о событиях 1812 г. Ошибки в освещении истории 1812 г. свидетельствуют о рецидивах покровщины, о слабой борьбе за большевистские принципы науки.

Некритическое отношение к буржуазной историографии и источникам, как показал в своем выступлении Н. Г. Сладкевич, приводит к ошибкам объективистского характера и в других исторических работах. А. И. Молок допустил ошибки такого рода в статье о Н. Г. Чернышевском. В публикации о петрашевцах (редактор проф. В. А. Десницкий) не был произведен тщательный отбор публикуемых документов. Все это — результат некритического отношения к публикуемым материалам, отступление от большевистского принципа партийности в науке.

Проф. А. В. Предтеченский в начале своего выступления остановился на принципиальном значении статьи тов. Кожухова. Некоторая часть советских историков, — говорит А. В. Предтеченский, — подвергла забвению важнейшее требование, предъявляемое к советскому историку — требование большевистской партийности. А. В. Предтеченский считает, что после статьи тов. Кожухова следует отбросить раз навсегда мнение, что русские люди сами жгли Москву в 1812 г. Эта точка зрения неправильная: ее цель — оправдание истинных виновников разорения Москвы — Наполеона и его грабительской армии.

Проф. А. В. Предтеченский признает, что и он разделял ошибочные взгляды некоторых историков на войну 1812 г. и заявил, что надеется не ограничиться только признанием своих ошибок, но и исправить их в дальнейшей научной и педагогической работе.

Доцент кафедры новой истории Р. С. Мнухина в своем выступлении подчеркнула, что статья тов. Кожухова «К вопро-

су об оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г.» является примером большевистской, партийной и принципиальной критики, не взвывая на лица. Такая критика способствует подъему исторической науки.

Далее она указала, что события 1812 г. и полководческое искусство М. И. Кутузова — это не только прошлое. Это проблема, вокруг которой ожесточенная идеологическая борьба идет и сегодня. Ведь фальсификация фактов, связанных с войной 1812 г., на Западе и в Америке не только продолжается, но и приняла особенно чудовищный характер после окончания второй мировой войны. Поджигатели новой мировой войны фальсифицируют историю, преследуя агрессивные цели. Тем не менее проф. С. Б. Окунь не остановился на этих вопросах.

В своем выступлении Р. С. Мнухина подвергла справедливой критике некоторые разделы программы университетского курса по новой истории. Например, вопросам, связанным с событиями 1812 г., в лекционном курсе отводится только два часа. В учебнике по истории нового времени совершенно недостаточно освещается роль М. И. Кутузова. Ему отведено всего только семь строчек. Совершенно не раскрываются особенности военного искусства М. И. Кутузова и превосходство русской военной школы над военной доктриной Наполеона. Слабо освещается кипучая деятельность М. И. Кутузова в последние месяцы его жизни, когда русская армия под его предводительством освобождала народы Европы от гнета иностранных захватчиков. В свете этих проблем необходимо перестроить нашу работу со студентами.

Декан Исторического факультета доцент В. Г. Брюнин в начале своего выступления остановился на значении статьи тов. Кожухова для курсов новой истории зарубежных стран.

Полностью согласившись с оценкой ошибок, допущенных акад. Е. В. Тарле и другими советскими историками, как проявления буржуазной идеологии, В. Г. Брюнин отмечает, что эти ошибки, вскрытые в работах по истории войны 1812 г., получили широкое распространение также и в лекционных курсах по новой истории зарубежных стран Запада, в курсе истории международных отношений. Эти курсы строились на основе работ акад. Е. В. Тарле, а поэтому они должны быть пересмотрены в свете тех материалов, которые были опубликованы за последнее время. Справедливой критике подверг В. Г. Брюнин авторов и редактора учебника по истории нового времени (ч. 1, изд. 1-е). События в этом учебнике освещены так, что виновницей нашего поражения Наполеона на Россию оказывается, в конечном счете, ... наша Родина. Причины поражения армии Наполеона искажаются не без влияния ошибок акад. Е. В. Тарле, т. е. не показывается

¹ Ответ И. В. Сталина полковнику т. Разину. «Большевик», № 3, 1947, стр. 7.

героическая борьба русского народа и роль М. И. Кутузова как решающие факторы в деле разгрома завоевателей.

Аналогичные ошибки присущи и первому тому «Истории дипломатии», где затушевывается агрессивная политика Франции накануне 1812 г., не дается ленинская оценка наполеоновских войн и не характеризуется война 1812 г. как национально-освободительная со стороны русского народа.

В заключение своего выступления В. Г. Брюнин предлагает ряд практических мероприятий для исправления ошибок. По его мнению, они должны в основном свестись к следующему:

а) организация дополнительных лекций для студентов об ошибках некоторых историков в освещении войны 1812 г.;

б) чтение лекций о полководческом искусстве М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. в лектории Университета и в Городском Институте усовершенствования учителей;

в) организация кафедрой истории СССР специального курса по истории Отечественной войны 1812 г.;

г) рекомендация студентам тем, связанных с войной 1812 г., для дипломных сочинений;

д) подготовка силами работников кафедры истории СССР статей по вопросу об ошибках некоторых советских историков в освещении войны 1812 г. для «Вестника Ленинградского Университета»;

е) увеличение числа лекционных часов, отведенных на анализ событий, связанных с войной 1812 г., в курсе истории нового времени.

Следует сказать, что, хотя доклад и вызвал живой обмен мнениями, все же критика в адрес тех историков, которые прежде всего повинны в искажении истории войны 1812 г., была недостаточно острой. Это, в особенности, сказалось в выступлении Г. П. Чекановой, которая вместо того, чтобы направить огонь критики на существенные ошибки некоторых советских историков в освещении войны 1812 г., свое выступление построила на анализе второстепенных ошибок.

Никто из выступавших не осветил в должной мере такие важные вопросы, как борьба с современными американскими и западноевропейскими фальсификаторами войны 1812 г., как борьба французских коммунистов на страницах своих теоретических органов против реакционной идеологии поджигателей войны, а особенно с фальсификаторами истории нашей Родины. Этот упрек относится прежде всего к работникам кафедры истории нового времени.

Прения на Ученом совете Исторического факультета показали, что выступления партийной печати правильно поняты научными работниками факультета. Однако этого еще недостаточно.

Боевая задача ученых Исторического факультета состоит в том, чтобы внести свой вклад в дело создания подлинно научной истории войны 1812 г. и правильной оценки полководческой деятельности М. И. Кутузова, руководствуясь указаниями вождя народов и корифея науки И. В. Сталина.

Г. В. Бурцев

В лингвистических кружках Студенческого научного общества

После выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию советские языковеды приступили к напряженной работе по изучению сталинского учения о языке. В этой важнейшей работе принимают посильное участие и студенты-лингвисты Филологического факультета.

За истекший учебный год произошли значительные изменения в организации и работе лингвистических кружков Студенческого научного общества. В прошлом эти кружки были крайне малочисленны. Например, кружки общего языкознания, немецкой и английской филологии насчитывали по 7—10 студентов в каждом. В настоящее время число студентов, активно участвующих в работе этих кружков, возросло в несколько раз.

Труды И. В. Сталина по языкознанию были положены в основу всей деятельности кружков. Коренным образом была изменена тематика студенческих докладов. Студенты получили возможность внести и свою долю труда в разрешение важнейших проблем языкознания: изучение основного словарного фонда, грамматического строя

различных языков, сравнительно-историческое изучение славянских и других языков, изучение процессов изменения словарного состава языка и т. д.

Среди наиболее содержательных и интересных докладов, прочитанных в кружках, следует отметить доклад аспирантки I курса А. Васильевой «Учение И. В. Сталина о грамматике», студентки V к. Г. Серовой «Основные языковые типы (стили) в немецком языке», студентки VI к. Э. Дурьиной «Общеславянский перфект в современном болгарском языке». Эти доклады вызвали оживленные прения на традиционной мартовской научной конференции студентов. Лучшие доклады конференции — студентки V к. Л. Репиной «Обогащение наречия за счет других частей речи в современном французском языке» и студента IV к. М. Альтшулера «Стилистический анализ пьесы К. Симонова „Парень из нашего города“» отмечены грамотами ОК и ГК ВЛКСМ.

В 1950 г. на Филологическом факультете создан кружок славянской филологии (научный руководитель доц.